

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Тема для ноябрьского «Светлячка» была выбрана не случайно. Разговор о ленинградских поэтах возник месяц назад после прочтения стихотворения Евгения Артюхова (известного московского поэта, полтора десятилетия возглавлявшего отдел литературы в журнале «На боевом посту»), в котором были такие слова:

*И давайте не будем, —
мы устали от врак.
Бродский —
это не Бунин,
это не Пастернак.
Это нудно и скучно —
ни душе, ни уму,
в чём ни Рейн
и ни Кушнер
не уступят ему.*

Среди «светлячковцев» были большие почитатели Бродского, не согласившиеся с Артюховым, и вот в последнюю неделю ноября мы говорим о троих названных в стихотворении поэтах. Кто они?

В «оттепельные» 60-ые у памятника Маяковскому в Москве читали громогласные стихи Вознесенский, Евтушенко, Рождественский. Они и стихи писали, как их кумир, лепенкой. В Ленинграде существовала группа поэтов, прозванная «ахматовскими сиротами»: Бродский, Кушнер, Рейн, Найман, Бобышев. Она их называла «Волшебный хор». Рейн, Кушнер и Брод-

ский почти ровесники (1935, 1936, 1940). Все считали себя учениками Ахматовой. Но такие разные и в судьбах, и в творчестве. Столько противоречивого можно о них прочесть и услышать: «Ливрейный еврей Кушнер как официальная альтернатива изгою, парии, отверженному у Бродского». «Полная ему противоположность не только в писательской судьбе, но по жизни — «щастливчик» Александр Кушнер. Пара по контрасту: Счастливец и Несчастливцев. Вот уж у кого счастье не только советское детство, но и вся его сверхблагополучная, без сучка и задоринки, советская литературная карьера. Особенно по контрасту с невезухой и непрухой ИБ». И прочее.

Представить этих поэтов на встрече в «Светлячке» было очень не просто, тем более представить обзорно, кратко, на глубокое знакомство с каждым времени было мало. Потому, наверное, подавался материал как личное видение, личная точка зрения говорившего.

Первым предстал Александр Семенович Кушнер. Маргарита Петрова познакомилась с его биографией — личной и творческой. Поэт, эссеист, лауреат многих отечественных премий. По образованию филолог, преподаватель. Работал в школе.

Считает, что профессия для зарабатывания на хлеб насущный должна быть, а поэзия не должна зависеть от необходимостей бытия, быть свободной. Автор 50 книг. Возраст не мешает звучать его поэтическому камертону и сегодня. За последние 10 лет вышло 6 его книг.

Большинству он знаком по стихотворению «Времена не выбирают, в них живут и умирают...», ставшее его визитной карточкой, на которое написана песня С. Никитиным. Ему часто задают вопрос: верит ли он до сих пор в то, что «времена не выбирают». У поэта один ответ — не бывает легкого времени (что ни век, то век железный), только от тебя самого зависит твоя дорога в любом веке и времени.

Алла Юринова, представлявшая Евгения Борисовича Рейна, прочла несколько его стихотворений (далеко не лучших) и отрывок из литературоведческой новеллы И. Бродского о творчестве Рейна.

Бродского представлял Владимир Юринов. Его глазами Иосиф Александрович — гений. И его образ жизни (семь кое-как оконченных классов школы, самообразование через книгу, постоянное погружение в поэзию, безытность и полуголодное существование) и есть образ жизни гения. Юриновым были прочтены лучшие стихи Бродского. Вот отрывки одного из них:

В ТОТ ВЕЧЕР ВОЗЛЕ НАШЕГО ОГНЯ...

*В тот вечер
возле нашего огня
увидели мы чёрного коня.
Недвижно он стоял.
Казалось, спит.
Пугала чернота
его копыт.*

*Он чёрен был,
не чувствовал теней.
Так чёрен, что
не делался темней.*

*Так чёрен, как
полуночная мгла.
Так чёрен, как
внутри себя игла.
Так чёрен, как
деревья впереди,
как место между
рёбрами в груди.
Как ямка под землёю,
где зерно.*

*Я думаю: внутри
у нас черно.*

*Глаза его белели,
как щелчок.*

*Ещё страшнее
был его зрачок.
Как будто был он
чей-то негатив.*

*Зачем же он,
свой бег оставив,
меж нами оставался
до утра?*

*Зачем не отходил
он от костра?*

*Зачем он чёрным
воздухом дышал?*

*Зачем во тьме он
сучьями шуршал?*

*Зачем струил он
чёрный свет из глаз?*

*Он всадника искал
себе среди нас.*

Такие стихи не могут не впечатлить, но о чём они, чёрные насквозь? Рассказал Владимир и о гонениях на своего кумира, суд над ним,

статья «за тунеядство», которая стала причиной его отъезда за рубеж. О том, как был принят и оценен по справедливости там талант Бродского. О присужденной ему Нобелевской премии с формулировкой: «за всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью».

И вот пример иного взгляда на то же самое событие: «С Бродским тоже было так — ему безусловно предлагали самые «легкие» занятости по его профилю, но он, почему-то, настаивал на своём: «я поэт — это мой труд». Кушнер, кстати, тоже — поэт, Ким, Окуджава, Рождественский, Вознесенский... Ну, они-то, конечно, не обладали такой «ясностью мысли и поэтической интенсивностью», как Бродский... «За всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью». Ни о чём, но момент был ПРАВильный! Чтобы указать Союзу на его «бесчеловечные» законы. Бродский, наверняка, понял позднее, что был только инструментом в руках «Большого Бизнеса», но уже навсегда лишил себя возможности «умереть на Васильевском Острове».

Мы искренне пытались разобраться в сложностях того времени и отношений. В том же стихотворении Артюхова есть строки:

*Он вернулся стихами
и уже не туда,
где чиновные хамы
без мозгов и стыда.*

Пытаясь сделать этот материал не только информационным, но и какой-то мере аналитическим, то и дело вспоминала выражение, приписываемое Марку Аврелию: «Нет истины, есть угол зрения», ловила себя на мысли, что тоже подаю события под своим углом зрения. А как иначе? Рада тому, что мы их троих помним и пытаемся понять, что Бродский «вернулся стихами». И какая разница, был ли он «городским сумасшедшим» или «непризнанным гением». Соглашусь с тем, что он понял: «за бугром» его использовали, иначе не появился бы такой его афоризм, мастером которых он был: «Россия страна нагана, а Америка — чистогана». Ахматова называла его «трагическим тенором эпохи». Думаю, что трагическое восприятие мира не зависело от страны и времени, в котором он жил. Оно было внутри него, потому и притягивало беды. Как Кушнер находил в любой ситуации «оазис», так Бродский был настроен на беду. Как ни странно, в этом есть и свой плюс, иначе не вырос бы он в «великого трагического поэта вровень с древнегреческими трагиками», как некоторые считают. Назовём ли мы его гениальным, а Кушнера лишь выдающимся поэтом, Рейна — «последним певцом и даже творцом Империи», они часть нашей культуры, а значит, и нашей истории, которую нельзя не помнить.

М. АЛЕКСЕЕВА.